

Карел Чапек

Почтарская сказка

Ну, скажите на милость: ежели могут быть сказки о всяких человеческих профессиях и ремеслах – о королях, принцах и разбойниках, пастухах, рыцарях и колдунах, вельможах, дровосеках и водяных, – то почему бы не быть сказке о почтальонах? Взять, к примеру, почтовую контору: ведь это прямо заколдованное место какое-то! Всякие тут тебе надписи: "курить воспрещается", и "собак вводить воспрещается", и пропасть разных грозных предупреждений... Говорю вам: ни у одного волшебника или злодея в конторе столько угроз и запретов не найдешь. По одному этому уже видно, что почта – место таинственное и опасное. А кто из вас, дети, видел, что творится на почте ночью, когда она заперта? На это стоит посмотреть!.. Один господин – Колбаба по фамилии, а по профессии письмоносец, почтальон – на самом деле видел и рассказал другим письмоносцам да почтальонам, а те – другим, пока до меня не дошло. А я не такой жадный, чтобы ни с кем не поделиться. Так уж поскорей с плеч долой. Начинаю.

Надоело г-ну Колбабе, письмоносцу и почтальону, почтовое его ремесло: дескать, сколько письмоносцу приходится ходить, бегать, мотаться, спешить, подметки трепать да каблуки стаптывать; ведь каждый божий день нужно двадцать девять тысяч семьсот тридцать пять шагов сделать, в том числе восемь тысяч двести сорок девять ступеней вверх и вниз пройти, а разносишь все равно одни только печатные материалы, денежные документы и прочую ерунду, от которой никому никакой радости, да и контора почтовая – место неуютное, невеселое, где никогда ничего интересного не бывает. Так бранил г-н Колбаба на все лады свою почтовую профессию. Как-то раз сел он на почте возле печки, пригорюнившись, да и заснул, и не заметил, что шесть пробило. Пробило шесть, и разошлись все почтальоны и письмоносцы по домам, заперев почту. И остался г-н Колбаба там взаперти, спит себе.

Вот, ближе к полуночи, просыпается он от какого-то шороха: будто мыши на полу возятся. "Эге, – подумал г-н Колбаба, – у нас тут мыши, надо бы мышеловку поставить" Только глядит не мыши это, а здешние, конторские домовые. Эдакие маленькие, бородатые человечки, ростом с курочку-бентамку, либо белку, либо кролика дикого или вроде того; а на голове у каждого почтовая фуражка – ни дать ни взять настоящие почтальоны; и накидки на них, как на настоящих письмоносцах. "Ишь чертенята!" – подумал г-н Колбаба, а сам ни гугу, губами не пошевелил, чтобы их не спугнуть. Смотрит один из них письма складывает, которые ему, Колбабе, утром разносить; второй почту разбирает, третий посылки взвешивает и ярлычки на них наклеивает, четвертый сердится, что, мол, этот ящик не так обвязан, как полагается; пятый сидит у окошка и деньги пересчитывает, как почтовые служащие делают.

– Так я и думал, – ворчит. – Обчелся этот почтовик на один геллер. Надо поправить.

Шестой домовой, стоя у телеграфного аппарата, телеграмму выступает – эдак вот: так так так так так так так. Но г-н Колбаба понял, что он телеграфирует. Человеческими словами вот что: "Алло, министерство почты? Почтовый домовой номер сто тридцать один. Доношу все порядке точка. Коллега эльф Матлафоусек кашляет сказался больным и не вышел работу точка. Перехожу на прием точка".

– Тут письмо в Каннибальское королевство, город Бамболимбонанду, – промолвил седьмой коротыш. – Где это такое?

– Это тракт на Бенешов, – ответил восьмой мужичок с ноготок. – Припиши, коллега: "Каннибальское королевство, железнодорожная станция Нижний Трапезунд, почтовое отделение Кошачий замок. Авиапочта". Ну вот, все готово. Не перекинуться ли нам, господа, в картишки?

– Отчего же, – ответил первый домовой и отсчитал тридцать два письма. – Вот и карты. Можно начинать.

Второй домовой взял эти письма и стасовал.

– Снимаю, – сказал первый чертик.

– Ну, сдавай, – промолвил второй.

– Эх, эх! – проворчал третий. – Плохая карта!

– Хожу, – воскликнул четвертый и шлепнул письмом по столу.

– Крою, – возразил пятый, кладя новое письмо на то, которое положил первый.

– Слабовато, приятель, – сказал шестой и тоже кинул письмо.

– Шалишь. Покрупней найдется, – промолвил седьмой.

– А у меня козырной туз! – крикнул восьмой, кидая свое письмо на кучку остальных.

Этого, детки, г-н Колбаба выдержать не мог.

– Позвольте вас спросить, господа карапузыки, – вмешался он. – Что это у вас за карты?

– А-а, господин Колбаба! – ответил первый домовой. – Мы вас не хотели будить, но раз уж вы проснулись, садитесь сыграть с нами. Мы играем просто в марьяж.

Господин Колбаба не заставил просить себя дважды и подсел к домовым.

– Вот вам карты, – сказал второй домовой и подал ему несколько писем. – Ходите.

Смотрит г-н Колбаба на те письма, что у него в руках, и говорит:

– Не в обиду будь вам сказано, господа карлики, – нету в руках у меня никаких карт, а одни только недоставленные письма.

– Вот-вот, – ответил третий мужичок с ноготок. – Это и есть наши игральные карты.

– Гм, – промолвил г-н Колбаба. – Вы меня простите, господа, но в игральных картах должны быть самые младшие-семерки, потом идут восьмерки, потом девятки и десятки, потом – валеты, дамы, короли и самая старшая карта – туз. А ведь среди этих писем ничего похожего нет!

– Очень ошибаетесь, господин Колбаба, – сказал четвертый малыш. – Ежели хотите знать, каждое из этих писем имеет большее или меньшее значение, смотря по тому, что в нем написано.

– Самая младшая карта, – объяснил первый карлик, – семерка, или семитка – это такие письма, в которых кто-нибудь кому-нибудь лжет или голову морочит.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

- Следующая младшая карта – восьмерка, – подхватил второй карапуз, – такие письма, которые написаны только по долгу или обязанности.
 - Третий карты, постарше – девятки, – подхватил третий сморчок, – это письма, написанные просто из вежливости.
 - Первая старшая карта – десятка, – промолвил четвертый. – Это такие письма, в которых люди сообщают друг другу что-нибудь новое, интересное.
 - Вторая крупная карта – валет, или хлап, – сказал пятый.
 - Это те письма, что пишутся между добрыми друзьями.
 - Третья старшая карта – дама, – произнес шестой. – Такое письмо человек посыпает другому, чтобы ему приятное сделать.
 - Четвертая старшая карта – король, – сказал седьмой. – Это такое письмо, в котором выражена любовь.
 - А самая старшая карта – туз, – докончил восьмой старичик. – Это такое письмо, когда человек отдает другому все свое сердце. Эта карта все остальные бьет, над всеми козыряется. К вашему сведению, господин Колбаба, это такие письма, которые мать ребенку своему пишет либо один человек другому, которого он любит больше жизни.
- Ага, – промолвил г-н Колбаба. – Но в таком случае позвольте спросить: как же вы узнаете, что во всех этих письмах написано? Ежели вы их вскрываете, судари мои, это никуда не годится! Этого, милые, нельзя делать. Разве можно нарушать тайну переписки? Я тогда, негодники вы этакие, в полицию сообщу. Это ведь страшный грех – чужие письма распечатывать!
- Про это, господин Колбаба, нам хорошо известно, – сказал первый домовик. – Да мы, голубчик, ощупью сквозь запечатанный конверт узнаем, какое там письмо. Равнодушное – на ощупь холодное, а чем больше в нем любви, тем письмецо теплее.
- А стоит нам, домовым, запечатанное письмо на лоб себе положить, – прибавил второй, – так мы вам от слова до слова скажем, про что там написано.
- Это дело другое, – сказал г-н Колбаба. – Но уж коли мы с вами здесь собрались, хочется мне вас кое о чем расспросить. Конечно, ежели позволите...
- От вас, господин Колбаба, секретов нет, – ответил третий домовой. – Спрашивайте, о чем хотите.
- Мне любопытно знать: что домовые кушают?
- Это как кто, – сказал четвертый карлик. – Мы, домовые, живущие в разных учреждениях, питаемся, как тараканы, тем, что вы, люди, роняете: крошку хлеба там, либо кусочек булочки. Ну, сами понимаете, господин Колбаба: у вас, людей, не так-то уж много изо рта сыплется.
- А нам, домовым почтовой конторы, неплохо живется, – сказал пятый карлик. – Мы варим иногда телеграфные ленты; получается вроде лапши, и мы ее почтовым клейстером смазываем. Только этот клейстер должен быть из декстрина.
- А то марки облизываем, – добавил шестой. – Это вкусно, только бороду склеивает.
- Но больше всего мы любим крошки, – заметил седьмой. – Вот почему, господин Колбаба, в учреждениях редко крошки с мусором выметают: после нас их почти не остается.
- И еще позвольте спросить: где же вы спите? – промолвил г-н Колбаба.
- Этого, господин Колбаба, мы вам не скажем, – возразил восьмой старичик. – Ежели люди узнают, где мы, домовые, живем, они нас оттуда выметут. Нет, нет, этого вы знать не должны.
- "Ну, не хотите говорить, не надо, – подумал Колбаба. – А я все-таки подсмотрю, куда вы пойдете спать".
- Сел он опять к печке и стал внимательно следить. Но так уютно устроился, что начали у него веки слипаться, и не успел он досчитать до пяти – уснул как убитый и проспал до самого утра.
- О том, что он видел, г-н Колбаба никому не стал рассказывать, потому что, вы сами понимаете, на почте ведь нельзя ночевать. А только с тех пор стал он людям письма разносить охотней. "Вот это письмо, – говорил он себе, – теплое, а это вот прямо греет – такое горячее: наверно, какая-нибудь мамаша писала".
- Как-то раз стал г-н Колбаба письма разбирать, которые из почтового ящика вытащил, чтобы по адресам их разнести.
- Это что ж такое? – вдруг удивился он. – Письмо запечатанное, а ни адреса, ни марки на нем нету.
- Да, – говорит почтмейстер. – Опять кто-то опустил в ящик письмо без адреса. Случился в это время на почте один господин, пославший матери своей письмо заказное. Услыхал, что они говорят, и давай того человека ругать.
- Это, – говорит, – какой-то чурбан, идиот, осел, ротозей, олух, болван, растияпа. Ну где это видано: посыпать письмо без адреса!
- Никак нет, сударь, – возразил почтмейстер. – Таких писем за год целая куча набирается. Вы не поверите, сударь, до чего люди рассеянны бывают. Написал письмо и сломя голову – на почту; а не думает о том, что адрес забыл написать. Право, сударь, это чаще бывает, чем вы полагаете.
- Да неужто? – удивился господин. – И что же вы с такими письмами делаете?
- Оставляем лежать на почте, сударь, – ответил почтмейстер. – Потому что не можем адресату вручить.
- Между тем г-н Колбаба вертел письмо без адреса в руках, бурча:
- Господин почтмейстер, письмо такое горячее. Видно, от души написано. Надо бы вручить его по принадлежности.
- Раз адреса нет, оставить, и дело с концом, – возразил почтмейстер.

– Может, вам бы распечатать его и посмотреть, кто отправитель? – посоветовал господин.

– Это не выйдет, сударь, – строго возразил почтмейстер.

– Такого нарушения тайны корреспонденции допускать никак нельзя.

И вопрос был исчерпан.

Но когда господин ушел, г-н Колбаба обратился к почтмейстеру с такими словами:

– Простите за смелость, господин почтмейстер, но насчет этого письма нам, может быть, дал бы полезный совет кто-нибудь из здешних почтовых домовых?

И рассказал о том, что однажды ночью сам видел, как тут хозяйничала почтовая нечисть, которая умеет читать письма, не распечатывая.

Подумал почтмейстер и говорит:

– Ладно, черт возьми. Куда ни шло. Попробуйте, господин Колбаба. Ежели кто из господ домовых скажет, что в этом запечатанном письме написано, может, мы узнаем, и к кому оно.

Велел г-н Колбаба запереть его на ночь в kontоре и стал ждать. Близко к полуночи слышит он топ-топ-топ по полу – будто мыши бегают. И видит опять: домовые письма разбирают, посылки взвешивают, деньги считают, телеграммы выступают. А покончив с этими делами, сели рядом на пол и, взявшись в руки письма, в марьяж играть стали.

Тут г-н Колбаба их окликнул:

– ...брый вечер, господа человечки!

– А, господин Колбаба! – отозвался старший человечек. – Идите опять с нами в карты играть.

Господин Колбаба не заставил себя просить дважды – сел к ним на пол.

– Хожу, – сказал первый домовой и положил свою карту на землю.

– Крою, – промолвил второй.

– Бью, – отозвался третий.

Пришла очередь г-н Колбабы, и он положил то самое письмо на три остальные.

– Ваша взяла, господин Колбаба, – сказал первый чертятка.

– Вы ходили самой крупной картой: тузом червей.

– Прошу прощения, – возразил г-н Колбаба, – но вы уверены, что моя карта такая крупная?

– Конечно! – ответил домовой. – Ведь это письмо парня к девушке, которую он любит больше жизни.

– Не может быть, – нарочно не согласился г-н Колбаба.

– Именно так, – твердо возразил карлик. – Ежели не верите, давайте прочту.

Взял он письмо, прислонил ко лбу, закрыл глаза и стал читать:

– "Ненаглядная моя Марженка, пишу я тебе..."

Орфографическая ошибка! – заметил он. – Тут надо и, а не ы! "...что получил место шофера так ежли хочишь можно справлять свадьбу напиши мне ежели еще меня любишь пиши скорей твой верный Францик".

– Очень вам благодарен, господин домовой, – сказал г-н Колбаба. – Это-то мне и надо было знать. Большое спасибо.

– Не за что, – ответил мужичок с ноготок. – Но имейте в виду: там восемь орфографических ошибок. Этот Францик не особенно много вынес из школы.

– Хотелось бы мне знать: какая же это Марженка и какой Францик? – пробормотал г-н Колбаба.

– Тут не могу помочь, господин Колбаба, – сказал крохотный человечек. – На этот счет ничего не сказано.

Утром г-н Колбаба доложил почтмейстеру, что письмо написано каким-то шофером Франциком какой-то барышне Марженке, на которой этот самый Францик хочет жениться.

– Боже мой, – воскликнул почтмейстер. – Это же страшно важное письмо! Необходимо вручить его барышне.

– Я бы это письмо мигом доставил, – сказал г-н Колбаба.

– Только бы знать, какая у этой барышни Марженки фамилия и в каком городе, на какой улице, под каким номером дом, в котором она живет.

– Это всякий сумел бы, господин Колбаба, – возразил почтмейстер. – Для этого не надо быть почтальоном. А хорошо бы, несмотря ни на что, это письмо ей доставить.

– Ладно, господин почтмейстер, – воскликнул г-н Колбаба.

– Буду эту адресатку искать, хоть бы целый год бегать пришлось и весь мир обойти.

Сказав так, повесил он через плечо почтовую сумку с тем письмом да хлеба краюхой и пошел на розыски.

Ходил-ходил, всюду спрашивая, не живет ли тут барышня такая, Марженкой звать, которая письмо от одного шофера, по имени Францик, ждет. Прошел всю Литомержицкую и Лоунскую область, и Раковницкий край, и Пльзенскую и Домажлицкую область, и Писек, и Будейовицкую, и Пршелоучскую, и Таборскую, и Чаславскую область, и Градецкий уезд, и Ичесский округ, и Болеславскую область. Был в

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Кутной Горе, Литомышле, Тршебони, Воднянах, Сущице, Пришибраме, Кладне и Млада Болеславе, и в Вотице, и в Трутнове, и в Соботке, и в Турнове, и в Сланом, и в Пелгримове, и в Добрушке, и в Ушице, и в Гронове, и у Семи Халуп; и на Кракорке был, и в Залесье, – ну, словом, всюду. И всюду расспрашивал насчет барышни Марженки. И барышень этих Марженок в Чехии пропасть оказалось: общим числом четыреста девять тысяч девятьсот восемьдесят. Но ни одна из них не ждала письма от шофера Францика. Некоторые действительно ждали письмеца от шо夫ера, да только звали этого шофера не Франциком, а либо Тоником, либо Ладиславом, либо Вацлавом, Иозефом, либо Яром, Лойзиком или Флорианом, а то Иркой, либо Иоганом, либо Вавржинцем, а то еще Домиником, Венделином, Эразмом – ну по-всякому, а Франциком – ни одного. А некоторые из этих барышень Марженок ждали письмеца от какого-нибудь Францика, да он не шофер, а слесарь либо фельдфебель, столяр либо кондуктор или, случалось, аптекарский служащий, обойщик, парикмахер либо портной – только не шофер.

И проходил так г-н Колбаба целый год да еще день, все никак не мог вручить письмо надлежащей барышне Марженке.

Много чего узнал он: видел деревни и города, поля и леса, восходы и закаты солнца, прилет жаворонков и наступление весны, посев и жатву, грибы в лесу и зреющие сливы; видел Жатский хмель и Мельницкие виноградники, Тршебонских карпов и Пардубицкие пряники, но, досыта насытившись на все это за целый год с днем, и все понапрасну, сел, повесив голову, у дороги и сказал себе:

– Видно, напрасно хожу: не найти мне этой самой барышни Марженки.

Стало ему обидно до слез. И барышню Марженку-то жалко, что не получила она письма от парня, который ее больше жизни любит; и шофера Францика жалко, что письмо его доставить не удалось; и самого себя жалко, что столько трудов на себя принял, в дождь и в жару, в слякоть и ненастье по свету шагал, а все зря.

Сидит так у дороги, горюет – гляди: по дороге автомобиль идет. Катится себе потихонечку – километров этак шесть в час. И подумал г-н Колбаба: "Верно, какой-нибудь устаревший рыдван. Ишь ползет!"

Но как подъехал тот автомобиль ближе, – ей-богу, прекрасный восьмицилиндровый "бугатти"! А за рулем печальный шофер сидит, весь в черном; а сзади господин печальный, тоже в черном.

Увидел печальный господин грустного г-на Колбабу у дороги, приказал остановить машину и говорит:

– Садитесь, почтальон, подвезу немного!

Обрадовался г-н Колбаба, потому что у него от долгой ходьбы ноги заболели. Сел он рядом с печальным господином в черном, и тронулась машина дальше в свой печальный путь.

Проехали они так километра три, спрашивает г-н Колбаба:

– Простите, сударь, вы не на похороны едете?

– Нет, – промолвил глухим голосом печальный господин. –

Почему вы думаете, что на похороны?

– Да потому, сударь, – ответил г-н Колбаба, – что вы изволите таким печальным быть.

– Оттого я такой печальный, – говорит замогильным голосом господин, – что машина едет так медленно и печально.

– А почему, – спросил г-н Колбаба, – такой замечательный "бугатти" едет так медленно и печально?

– Оттого, что ведет ее печальный шофер, – мрачно ответил господин в черном.

– Ага, – промолвил г-н Колбаба. – А позвольте спросить, ваша милость, отчего же так печален господин шофер?

– Оттого что он не получил ответа на письмо, которое отправил ровно год и один день тому назад, – ответил господин в черном. – Понимаете, он написал своей возлюбленной, а она ему не ответила. И вот он думает, что она его разлюбила.

Услышав это, г-н Колбаба воскликнул:

– А позвольте спросить, вашего шофера не Франциком звать?

– Его зовут господин Франтишек Свобода, – ответил печальный господин.

– А барышню – не Марженкой ли? – продолжал свои расспросы г-н Колбаба.

Тут отозвался печальный шофер.

– Мария Новакова – вот имя изменщицы, которая забыла мою любовь, – промолвил он с горьким вздохом.

– Ага, – радостно воскликнул г-н Колбаба. – Милый мой, так вы и есть тот глупец, тот дурак, тот пень, та тутика, тот путаник, тот стоерос, то бревно, та дубина, та балда, то полено, то помело, тот капустный кочан, тот урод, тот пентюх и та кликуша, тот ненормальный, тот помешанный, тот простофиля, тот лунатик, тот юродивый, тот губошлеп, тот распустеха, тот растереха, та тыква, та картофелина, тот шут, тот паяц, тот дурень, тот петрушка, та лапша, тот слюнтяй и тот ваняк, который опустил в почтовый ящик письмо без адреса и без марки? Господи! Как я рад, что имею честь с вами познакомиться! Ну, как же барышня Марженка могла вам ответить, ежели она вашего письма до сих пор не получила?

– Где, где мое письмо? – воскликнул шофер Францик.

– Да вы мне только скажите, – ответил Колбаба, – где барышня Марженка живет, и письмо, будьте уверены, сейчас же полетит прямиком к ней. Господи боже ты мой! Целый год с одним днем таскаю я это письмо в сумке, по всему свету рыскаю, ищу эту самую барышню Марженку! Ну-ка, золотой мой паренек, давайте мне живо, скорей, мигом, без промедления, адрес барышни Марженки, и я пойду вручу ей это письмо.

– Никуда вы не пойдете, господин почтальон! – сказал господин в черном. – Я вас туда отвезу. Ну-ка, Францик, поддай газу и кати к барышне Марженке.

Не успел он договорить, как шофер Францик дал газ, машина рванулась вперед и пошла, мои милые, писать по семидесяти, по восьмидесяти километров, по сто, по сто десять, сто двадцать, сто пятьдесят, все быстрей и быстрей, так что мотор пел, заливался, рычал, гудел от радости, и господин в черном должен был держать обеими руками шляпу, чтобы не улетела, и г-н Колбаба вцепился обеими руками в сиденье, а Францик кричал:

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

— Славно катим, а? Сто восемьдесят километров! Ей-богу, не едем, а летим прямым ходом по воздуху. Вон она, дорога-то, где осталась! Ей-ей, у нас крылья выросли!

И, летя так со скоростью сто восемьдесят семь километров, увидали они хорошенькую беленькую деревушку – да это Либнятов, честное слово! – и шофер Францик сказал:

– Ну вот и приехали!

– Тогда остановитесь! – промолвил господин в черном, и машина опустилась на землю у деревенской околицы.

– А "бугатти" этот неплохо бегает! – с удовольствием отметил господин. – Ну, теперь, господин Колбаба, можете отнести барышне Марженке письмо.

– Не лучше ли будет, ежели господин Францик сам расскажет ей, что в этом письме написано. Ведь там целых восемь орфографических ошибок!

– Что вы! – возразил Францик. – Мне стыдно ей на глаза показаться: ведь она столько времени ни одного письма от меня не получала. Верно, совсем уж меня забыла и не любит николько, – прибавил он сокрушенно. – Идите вы, господин Колбаба; она живет вон в том домике, у которого окна такие чистые, как вода в колодце.

– Иду, – ответил г-н Колбаба.

Замурлыкал себе под нос: "Едет, едет, едет он, едет славный почтальон", и – раз, два, правой – к тому домику. А там, у чистого окошечка, сидела бледная девушка и подрубала полотно.

– Дай бог здоровья, барышня Марженка, – окликнул ее г-н Колбаба. – Не платье ли себе шьете подвенечное?

– Ах, нет, – печально ответила барышня Марженка. – Это я саван себе шью.

– Ну-ну, – участливо промолвил г-н Колбаба. – Ай-ай-ай, угодники пресвятые, ей-ей-ей, мученики преподобные, может, до этого не дойдет! Вы, барышня, разве больны?

– Не больна я, – вздохнула барышня Марженка, – а только сердечко у меня разрывается от горя. И она прижала руку к сердцу.

– Господи боже! – воскликнул г-н Колбаба. – Подождите, барышня Марженка, не давайте ему разрываться еще немножко. Отчего ж это оно у вас так болит, позвольте спросить?

– Оттого, что вот уже год и день, – тихо промолвила барышня Марженка, – уже день и год я жду одного письмечка, а оно все не приходит.

– Не горюйте, – стал утешать ее г-н Колбаба. – А я вот целый год и день письмо одно ношу в сумке и не найду кому отдать. Знаете что, барышня Марженка? Отдам-ка я его вам!

И он подал ей письмо.

Барышня Марженка побледнела еще больше.

– Господин письмоносец! – тихим голосом промолвила она.

– Это письмо, наверно, не ко мне: на конверте нет адреса!

– А вы загляните внутрь, – возразил г-н Колбаба. – Если не к вам, вернете мне, вот и все.

Барышня Марженка распечатала дрожащими руками письмо, и, только начала читать, на щеках ее выступил румянец

– Ну как? – спросил г-н Колбаба. – Вернете мне или нет?

– Нет, – пролепетала барышня Марженка, сияя от радости.

– Ведь это то самое письмо, господин почтальон, которою я целый год и день ждала! Не знаю, как и благодарить вас, господин письмоносец.

– Я вам скажу как, – ответил г-н Колбаба. – Уплатите мне две кроны штрафа за то, что письмо без марки, понятно? Господи Иисусе, я ведь с ним целый год и день бегаю, чтобы эти две кроны в пользу почты взыскать! Вот так: покорно благодарю, – продолжал он, получив две кроны. – А там вон, сударыня, кто-то вашего ответа ждет.

И он кивнул на шофера Францика, который – тут как тут – стоял на углу.

И пока г-н Францик получал ответ, г-н Колбаба, сидя рядом

с господином в черном, говорил ему:

– Год и день, ваша милость, я с этим письмом пробегал, да стоило того: во-первых, чего только не повидал! Такая это чудная, прекрасная сторона, – хоть у Пльзня взять, хоть у Горжице, либо у Табора... Ага, господин Францик уже назад идет? Ну, понятно: такое дело легче с глазу на глаз

уладить, чем письмами без адреса.

А Францик ничего не сказал; только глаза его смеялись.

– Поехали, сударь?

– Едем, – ответил господин в черном. – Сперва отвезем господина Колбабу на почту

Шофер сел за руль, нажал стартер, включил сцепление и газ, и машина тронулась с места плавно, легко, как во сне.

И стрелка спидометра сейчас же остановилась на цифре 120 километров.

– Хорошо идет машина, – с удовольствием отметил господин в черном. – Она мчится так оттого, что ее ведет счастливый шофер.

Они доехали благополучно – и мы тоже.

